

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лето выдалось невыносимо жарким. Впрочем, в последние годы это стало уже обычным явлением. В середине июля красная полоска ртути в термометрах, неотвратимо стремясь вверх, упиралась в край шкалы и, не находя дальнейшего пути, замирала там до самого вечера. Но и вечера были не лучше. Раскаленный асфальт перед закатом начинал лишь больше отдавать накопленное за день тепло, в результате чего столица превращалась в одну огромную сплошную парилку.

Полковник Станислав Крячко, сидя в кресле, страдал. В кабинете было так жарко и душно, несмотря на раскрытое настежь окно, что не помогал даже напольный вентилятор, просто гонявший горячий спертый воздух по помещению, не охлаждая его. Крячко завозился в кресле, меняя положение, и потянулся к бутылке с минералкой, только что купленной в местном буфете.

Она хранилась в холодильнике и была пусть не холодной, но, во всяком случае, прохладной. Одним махом выпив чуть ли не полбутылки, Крячко крякнул и вылил остатки себе на голову, подставив темя под струю вентиляционного воздуха.

— Провались этот китайский ширпотреб! — выругался он, когда голову обдало теплым ветерком.

Но все-таки стало легче, и Крячко откинулся на спинку кресла, обмахивая себя сложенной вдвое газетой «Спорт-экспресс».

Открылась дверь, и вошел Гуров — стройный, бодрый, подтянутый... Крячко неодобрительно покосился на своего друга. Его всегда поражало, как Лев умудряется в любое время выглядеть стильно и ухоженно? Дождь ли, слякоть, снег, морось — он всегда аккуратен, подтянут, ботинки блестят, короткие волосы лежат так, словно он только что от парикмахера. Вот и сейчас, несмотря на невероятную жару, Лев одет в легкий, но строгий костюм, рубашка безупречно отглажена, и даже галстук он повязал новый, модный, с сиреневатым отливом.

Крячко опустил глаза и посмотрел на себя словно со стороны. М-да... В сравнении со стильным Гуровым он выглядит, мягко говоря, попроще... Верхние пуговицы рубашки расстегнуты, рукава закатаны чуть

ли не до плеч, от капель воды в нескольких местах расплылись темные пятна... Брюки помяты, а галстук в такое пекло Станислав сроду на надевал. Он запустил руку в свою шевелюру. Длинные, слегка намочшие спереди пряди падали на лоб. Пора, давно пора подстричься, но все времени не хватает. Да и, честно признаться, он терпеть не мог эту процедуру и всегда старался увильнуть от нее. До последнего старался, когда уже дальше невозможно было тянуть, и старый друг, а по совместительству начальник, генерал-лейтенант Петр Николаевич Орлов начинал делать замечания, что Станислав выглядит «не по форме». Гуров, бросая насмешливые взгляды, вставлял свои излюбленные едкие шуточки, на которые был мастер и которые Станислав всегда одобрял, когда они приходились на чей-то адрес, зато впадал чуть ли не в бешенство, когда они касались его самого.

Крячко снова перевел взгляд на приятеля. Гуров молча прошел к своему столу и, сразу же опустившись на жесткий стул, принялся перелистывать папку с каким-то делом. Крячко также молча наблюдал за ним. Гуров сидел с сосредоточенным видом, совершенно, кажется, не страдая от жары. Станислав поелозил в кресле, потом не выдержал и спросил:

— Тебе что, не жарко?

— Что? — Отрывая взгляд от папки, Гуров не сразу понял, о чем спрашивает его Стас.

— Не жарко, говорю? — повторил Крячко, яростно обмахиваясь своим самодельным «веером».

— Почему не жарко? Жарко. Просто я стараюсь этого не замечать. Голова другим занята, — проговорил Лев и снова уткнулся в свои бумаги.

Крячко недоверчиво хмыкнул. Теперь он уже из вредности не собирался оставлять Гурова в покое.

— Вы у нас теперь «светский лев»? — язвительно скаламбурил он, неприязненно сверля глазами галстук Гурова.

— Не понял, — покачал головой тот.

— В гламуре погрязли, — продолжал язвить Крячко. — Пижонские галстуки носите. Нам рядом с вами только лаптем щи хлебать!

— Тебя премии лишили, что ли? — усмехнулся Гуров. — Да вроде некому, Петр на юга укатил.

— Вот именно! — подхватил Крячко. — Он на юга укатил, а ты тут мучайся в душном кабинете! Хоть бы какой захудалый кондиционер установил, я сколько раз говорил!

— Зависть — плохое чувство, — заметил Лев.

— А я и не завидую, — тут же открестился Станислав. — Я просто за справедливость. Что, нет денег, чтобы кабинеты ведущих сотрудников оборудовать?

— Тебе и так рабочее место оборудовали. Кресло вон новое, мягкое, а я на жестком стуле сижу и помалкиваю.

— Ты сам от мягкого отказался. Беспокоишься о своем поджаром заде. Пижон! — И Крячко отвернулся к окну.

— Ты что такой недовольный-то? — не выдержал Гуров, отрываясь от своих бумаг.

— Что выросло, то выросло, — буркнул Крячко и надулся.

Теперь уже Лев с нескрываемым удивлением следил за приятелем. Если Станислав принялся цитировать его, Гурова, излюбленные фразы, значит, и впрямь с ним что-то не так. Лев внимательно оглядел Станислава и негромко спросил:

— Случилось что-то серьезное? Может, поделишься?

— Да нет, — словно очнувшись, моментально стушевался Крячко.

Когда Гуров начинал разговаривать с ним вот так, по-человечески, у него тут же пропадало желание препираться. И в самом деле, чего он вдруг накинулся на старого друга? Лев, что ли, виноват, что в кабинете жарко и что по всей средней полосе России

в ближайшие дни не ожидается понижения температуры? Или в том, что генерал-лейтенант Орлов сейчас отдыхает, а им поручил пересмотреть старые архивные дела?

— Просто понимаешь, Лева, — подсаживаясь ближе, со вздохом заговорил Станислав. — Надоело все! Никаких интересных дел; сидишь, перечитываешь эту муру! — Он кивнул на стопку старых, пожелтевших от времени папок, горой возвышавшихся на его столе. — И кому это только надо? А нынешние преступники будто вымерли. Тоже, что ли, от жары страдают и им даже убивать влом?

— Так радоваться надо! — тут же отпарировал Гуров. — Или ты хочешь, чтобы мы в «глухарях» погрязли?

— Ну, у нас «глухарей» почти не бывает! — самодовольно проговорил Станислав. — Как-никак лучший сыщик Москвы в нашем отделе служит! — И смерил Гурова нарочито подобострастным взглядом. Но в тоне его уже не проскальзывало ехидство, к Станиславу вернулись его обычное расположение духа и склонность к безобидным подколам.

Новых дел и впрямь не было. Может быть, еще и по этой причине генерал-лейтенант Орлов воспользовался паузой и, быстренько схватив горящую санаторную путевку, ука-

тил отдыхать в Гагры. А сыщикам, чтобы не расслаблялись, поручил достать архивные дела и покопаться в них. Понятно, что генерал-лейтенант дал это указание чисто номинально и вряд ли всерьез надеялся на то, что к его возвращению все эти «висяки» за давностью лет будут раскрыты. Однако приказ есть приказ, и Гуров с Крячко который уже день копошились в пыльных страницах.

— Вот что это, например, такое? — продолжал разоряться Крячко и продекламировал: — Дело номер триста двадцать один. Пятого января две тысячи восьмого года в доме пятьдесят восемь по улице Флотской был обнаружен труп гражданина Свинарченко. Причина смерти — ножевое ранение в грудь. Орудие убийства найдено рядом с трупом...

— Короче, — остановил Гуров излишняя друга.

— А короче, выпивали приятели в новогодние каникулы, будь они неладны. Свинарченко этот — алкоголик со стажем и друзья соответствующие. И фамилия, кстати, тоже, — добавил Крячко. — Пили-закусывали, потом слово за слово, в итоге классика: пьянка — ссора — драка — нож. Обычная бытовуха.

— И что?

— А то, что выпивали вчетвером. И любой из троих мог стать убийцей!

— А отпечатки на ноже? — сощурился Гуров.

— А отпечатки... — с каким-то злорадством проговорил Станислав и сделал эффектную паузу. — Отпечатков там море и всех четверых! Они этим ножом колбасу резали. И никто не сознается в убийстве Сви-наренко! Каждый на другого валит. Да у них от многодневного перепоя все так в башках перепуталось, что они, похоже, и сами не помнят, кто его подрезал. Прямо хоть бери всех скопом и сажай!

— Ну, попробуй, — с усмешкой посоветовал Гуров.

— Попробуй сам! — не остался в долгу Крячко. — Да, и вот такое дерьмо поручено разгребать... Ну, что это такое, я тебя спрашиваю? — И он вопросительно уставился на полковника, словно ожидая, что тот и в самом деле даст ему ответ на этот сакраментальный вопрос.

— Не мне тебе рассказывать, что в России семьдесят процентов преступлений происходят на бытовой почве, — заметил Лев. — Из них девяносто девять в состоянии алкогольного опьянения. Так что удивляться нечему.

— Я не удивляюсь. Я возмущаюсь! Почему я, опер-важняк, должен расследовать эту ерунду, почему? — кипятился Крячко.

— Так и не расследуй, — милостиво разрешил Гуров.

— А я и не буду! — Крячко подскочил в своем кресле, захлопнув папку с таким раздражением, что из нее тут же поднялся столб пыли, и с треском отодвинул ее в сторону. — Была охота! Как оно вообще к нам попало, это дело?

— Возьми какое-нибудь другое, что ты к нему прицепился?

— Да они тут все одинаковые, — махнул рукой Крячко.

— Не скажи, — не согласился Гуров. — Вот довольно интересное дело, послушай...

Но Станислав уже не слушал. Посмотрев на часы, он решительно двинулся к двери.

— Ты куда? — поинтересовался Лев.

— Обед, Лева! — назидательно произнес Крячко. — Как говорится, жара жарой, а обед по расписанию.

— Ты можешь зарабатывать сочинением новых пословиц и поговорок, — усмехнулся Гуров, вновь утыкаясь в папку с заинтересовавшим его делом. — Правда, не знаю, сколько тебе за них будут платить и, главное, кто...

Крячко соорудил ему рожу и вышел из кабинета. А Гуров внимательно перечитывал одну из страниц. Вроде бы дело как дело, все ясно, преступник обнаружен, и материалы

переданы в суд. Казалось бы, чего еще надо? Но суд подозреваемого оправдал и вернул дело на следствие. И действительно, не без основания. Было в первоначальном варианте что-то, что не нравилось самому Гурову, что-то его смущало, и он упрямо перечитывал дело.

Иннокентий Леонидович Богатенко проснулся резко, в один момент, и сразу же ощутил, как ему жарко. Полное, рыхлое, не тронутое загаром тело было потным и липким. В таком состоянии он просыпался уже который день подряд и, взглянув вверх, с раздражением заметил, что сплит-система опять выключена. Это все, конечно, жена, из соображений ложной экономии. Вот ведь неисправимая натура! Деревня она и есть деревня... Сколько лет живет в столице, являясь супругой Богатенко, человека, занимавшего высокий пост в департаменте строительства Москвы, деньги давно привыкла не считать, тряпки-кольца-шубы меняет и не замечает, а вот поди ж ты, на электроэнергии экономит! Как была провинциальной плебейкой, так и осталась.

Он покосился на жену. Такая же толстая, обрюзгшая, как и он сам, она лежала на боку, похрапывая во сне. В уголке губы застыла капелька уроненной во сне слюны.

Из-за жары она спала без ночной рубашки, и Богатенко мог наглядно лицезреть прелести своей супруги.

«Весьма сомнительные», — мелькнуло у него в голове.

Признаться, он уже и забыл, как выглядит его жена без одежды. Все интимные отношения между ними уже несколько лет назад стали затухать, а потом и вовсе сошли на нет. Кажется, это устраивало обоих. Иннокентий Леонидович даже не интересовался, есть ли у жены кто-то на стороне, но почему-то сейчас эта мысль неожиданно пришла ему в голову.

Он еще раз посмотрел на супругу. Несколько складок рулонами перекатывались на животе, ямки и бугры целлюлита покрывали полные бедра. Лицо... На лицо Богатенко даже смотреть не хотелось.

Он перелез через жену, не особо заботясь о том, чтобы не потревожить ее, и, выйдя из спальни, быстро прошлепал босиком в ванную комнату, где сразу набрал джакузи. Лежа под тугими струями, Иннокентий Леонидович размышлял. Ситуация складывается удачно. Часть денег от Торопова уже получена, дело за малым. Ему удалось убедить Торопова в том, что разрешение на строительство выбить совсем непросто. Торопов, конечно, пытался торговаться, сбивал цену,

упирали на то, что Богатенко завышает расценки... «Побойтесь бога, Иннокентий Леонидович! Да у меня на само строительство меньше уйдет, чем вы хотите!»

А Иннокентий Леонидович не сердился, только плечами пожимал: «Не хочешь — не надо. По-другому не получится. Земля эта в цене, ее всегда можно пристроить». Куда Торопову деваться, если без Богатенко ему эту бумажку не получить? Иннокентию Леонидовичу решать, какой стройке быть, а какой не быть. Так что пусть выбирает. Да и знал он, что Торопов покрутится-покрутится, поскрипит зубами, а деньги найдет. Есть они у него, есть, иначе не замышлял бы такое строительство. Вот Иннокентий Леонидович, посмеиваясь про себя, и не торопил Торопова, не грозил, но и цену не сбавлял. Помнил мудрую поговорку: «Тише едешь — дальше будешь».

Она, естественно, сработала — Торопов объявился сам и с деньгами. Иннокентий Леонидович и вида не подал, что наперед знал, что так оно и будет. Убрал спокойно деньги в сейф, однако бумагу пока не дал — сказал, что нужно подождать еще немного, пока земля официально не будет передана в его руки. Что он, Иннокентий Леонидович, уже многое сделал для этого, лично съездил с проверкой и пришел к выводу, что нахо-

дящееся сейчас там предприятие малорентабельно. А следовательно, содержать его и дальше не имеет смысла. Оформил этот вывод как полагается и отослал куда следует. Так что нужно подождать еще совсем чуть-чуть.

Торопов, конечно, повздыхал, но ушел обнадеженный. А Иннокентий Леонидович прикинул, сколько еще можно будет с него взять и на какое время растянуть. Надолго тоже не стоит, в таком деле нужно соблюдать баланс. Не спешить, но и не растягивать, как мочало, иначе пойдут слухи, что с Богатенко каши не сваришь, и будут бизнесмены и прочие страждущие обходить его фигуру стороной, стараясь решать свои вопросы через кого-то другого. Это не так-то просто, конечно, но возможно. Иннокентий Леонидович ловко убеждал своих просителей, что только он способен решить их проблемы. А ведь есть люди и повыше его, и, если что, гору всегда обойти можно. Так что меру нужно знать, меру. Вон, супружница его меры в пирогах да плюшках не знает — вот и разожралась, как корова.

Иннокентий Леонидович начал вылезать из ванны, и нога скользнула по глянцевому боку. Он неуклюже взмахнул руками, ухватился за край... Осторожнее нужно быть, все-таки возраст уже не тот, шестьдесят

скоро, юбилей справлять. Иннокентий Леонидович не задумывался над тем, что не уступает жене в полноте: они относились к одной весовой категории. Но он мужчина, ему внешность вообще не важна. Ему главное — сила. Ум — это сила, и деньги — тоже сила. У Иннокентия Леонидовича имелось и то и другое.

Он прошел в столовую. Домработница Люда, накрывая на стол, шмыгала в кухню и обратно, приносила тарелки, чашки, вазочки. Крутила округлыми бедрами, выписывала восьмерки в воздухе. Когда она в очередной раз направилась в кухню, Иннокентий Леонидович невольно задержал взгляд на нижней части ее тела и, не удержавшись, встал со стула, и пошел следом. Люда открыла дверцу холодильника и склонилась над ней. Иннокентий Леонидович подошел и неожиданно для себя самого положил руку девушке на талию, плавно переместив ее ниже. Она резко выпрямилась и повернулась к нему, не скрывая удивления.

Несколько секунд он не отрываясь смотрел ей в лицо, пока Люда не облизнула пересохшие губы. Что-то мелькнуло в ее лице, и Иннокентий Леонидович понял: смотрит выжидающе, а сама в душе не против, даже радуется, что хозяин вдруг проявил к ней такой интерес. И только присутствие хозяйки

в спальне заставляет ее напрягаться, а вовсе не девичья стыдливость. Убери сейчас Иннокентий Леонидович жену из дома — всю ее неловкость как рукой снимет.

Сразу стало неинтересно и даже противно. Иннокентий Леонидович резко убрал руку, сделав вид, что просто хотел окликнуть девушку.

— Люда, — холодно произнес он, — я сегодня уезжаю раньше обычного, поэтому хотел бы позавтракать прямо сейчас.

— Все почти готово, Иннокентий Леонидович. Я ждала, когда встанет Валентина Павловна.

— Не стоит ждать Валентину Павловну, подайте мне завтрак немедленно, — бросил Богатенко, проходя в столовую.

Люда засуетилась, принялась выставлять на поднос еду, потом, подхватив его, принесла и поставила на стол. Иннокентий Леонидович молча приступил к завтраку. Закончив, кивнул Люде и двинулся в прихожую, по дороге выглянув в окно. Шофер уже ждал на своем месте, сидя за рулем.

Иннокентий Леонидович вышел из квартиры, а домработница проводила хозяина взглядом, в котором застыло разочарование.

Богатенко ехал на службу в благодушном расположении духа. Дела шли хорошо, на работе все стабильно. С приходом нового

мэра чьи-то головы, конечно, полетели, но его, Иннокентия Леонидовича, это никоим образом не коснулось. Наоборот, новый мэр похвалил работу их департамента и, хотя и объявил, что кое в чем нужно принципиально менять политику, в целом все же остался, кажется, доволен. А значит, Богатенко и дальше будет сидеть на своем посту, подписывая нужные бумаги и умножая капиталы не только за счет высокого оклада, но и за счет страждущих, кому эти бумаги необходимы.

Однако не успел чиновник пройти в свой кабинет, как секретарша, привстав на своем месте, доложила:

— Иннокентий Леонидович, Артемий Яковлевич просил вас зайти к нему.

— Он что, уже здесь? — удивился Богатенко, так как сам прибыл в департамент раньше обычного.

— Да, — подтвердила секретарша. — И он вас ждет.

— Когда он просил зайти? — нахмурился Богатенко.

Вызов начальства был непредвиденным, он совсем не готов к нему. Смутное подозрение закралось в голову, что-то неприятное шевельнулось в груди... С раннего утра шеф обычно не появлялся в департаменте и не вызывал подчиненных. Он вообще не

любил устраивать всякие совещания, а если уж и делал это, то во второй половине дня.

— Сразу, как вы появитесь, — в упор посмотрела на Богатенко секретарша.

Тот кивнул и молча прошел к себе. Бесцельно посидев за столом пару минут, поднялся и отправился в кабинет начальника.

Артемий Яковлевич Кононов, пожилой, примерно ровесник Богатенко, но в отличие от него сохранивший стройность и подтянутость фигуры, смотрел на Иннокентия Леонидовича серьезным взглядом своих холодных серых глаз, блеск которых был хорошо виден даже за очками в тонкой оправе.

— Присаживайтесь, — коротко сказал он, едва Богатенко переступил порог кабинета.

Тот сел на стул и посмотрел на начальника, ожидая новостей.

— У нас новости, Иннокентий Леонидович, — словно читая его мысли, произнес Кононов и открыл лежавшую перед ним папку. — Вы помните санаторий «Лесное»?

Богатенко слегка вздрогнул. Почему-то он сразу интуитивно понял, что новости касаются непосредственно его и что они не принесут ему лично ничего хорошего. Однако ответил спокойно и сдержанно:

— Конечно. Санаторий старый, убыточный, себя не окупает, и мы уже не раз ду-

мали, как целесообразно использовать эту землю...

— За нас уже придумали, — перебил его Кононов. — Принято решение о том, что земля переходит в собственность государства. Там будет строиться лечебница. Старое здание, возможно, реконструируют, а может быть, и снесут совсем — нужно тщательно все осмотреть, взвесить, стоит ли овчинка выделки. Кроме того, территория расширится, будут построены новые корпуса.

— Лечебница? — медленно повторил Богатенко, невольно проводя рукой по лбу. — Но... насколько она себя окупит? История с санаторием уже показала, что...

— Никаких «но», Иннокентий Леонидович, — резко оборвал его начальник. — Распоряжение уже подписано. Сегодня утром я его получил. Вам нужно в кратчайшие сроки все оформить. Это я говорю к тому, чтобы вы не решили вдруг необдуманно отдать эту землю под что-то другое. Знаю, что желающие имеются. Так вот, никаких посторонних, никаких частных рук. Земля государственная, и никто, абсолютно никто из частных не имеет на нее прав. Вам ясно?

— Ясно, — стараясь говорить спокойно и твердо, произнес Богатенко, а в голове вспыхнула мысль: «Неужели знает?»

По идее, не должен. Торопова Богатенко ни разу не принимал на рабочем месте, всегда назначал встречи на нейтральной территории. Он вообще не «светил» людей, от которых имел побочный доход. Бумаг, подтверждающих левые сделки, в кабинете не держал. Но смотрит Кононов уж больно недружелюбно, так и сверлит своими глазами! Неужели почуял, что Богатенко его обходит? Скорее всего, просто предполагает, предупреждает авансом, чтобы не вздумал играть в жмурки. И сейчас главное выстоять, выдержать этот взгляд, чтобы у Артемия Яковлевича развеялись все подозрения.

— А... когда запланировано строительство? — решился спросить Богатенко.

Собирался произнести эту фразу небрежно, вскользь, а вышло как-то трусливо, даже голос дрогнул.

— Сейчас, — спокойно ответил Кононов. — Со следующей недели начнут завозить стройматериалы, с августа строительство пойдет полным ходом. К Новому году планируется закончить.

— К Новому году? — приподнял брови Богатенко. — Это нереально!

— Смотря как работать, Иннокентий Леонидович, — заметил Кононов. — Должны закончить. Распоряжение мэра города. Так что идите, работайте.

Богатенко поднялся со стула. Пока он шел к дверям, ему казалось, что серые глаза шефа прожгли пятно на его спине. В коридоре, сделав несколько шагов, коррумпированный чиновник остановился и, достав из кармана платок, вытер лоб. Черт знает что такое, гром среди ясного неба! Земля, которая долгое время находилась в подвешенном состоянии и которую по этой причине Богатенко считал своей, земля, никого особенно не волновавшая, вдруг моментально стала чужой! И не чьей-нибудь, а государственной. Это, конечно, только формально, на деле у нее будут реальные хозяева. Никто просто так землей разбрасываться не станет. Но для него это означало лишь то, что вернуть ее себе ему не светит ни при каком раскладе...

Богатенко на ватных ногах дошел до кабинета, сел в кресло, машинально нажал на кнопку и попросил секретаршу принесли ему кофе и коньяк. Выпив рюмку, он задумался. Землю вернуть нельзя. Государство — не человек, его не припугнешь, не подкупишь, не обманешь. Обойти можно, конечно, но это не тот случай. Обходить нужно было раньше, что он и намеревался сделать. Теперь уже не выйдет. Выходит, придется решать вопрос с Тороповым. Но как? Возвращать полученные от него деньги

Иннокентию Леонидовичу совершенно не хотелось. А Торопов, конечно же, не забудет об этих деньгах и не махнет на них рукой. Что же делать, что делать?.. Водить за нос Торопова бесконечно не получится, это ясно. Может, предложить что-то взамен? Но что? Есть некий бесхозный участок земли под Нижним Новгородом, который можно было бы подгрести, но вряд ли он заинтересует Торопова...

Иннокентий Леонидович машинально барабанил пальцами по столу. Мозги его работали как какой-то механизм, прокручивая один за другим различные варианты. И ни одного мало-мальски подходящего пока не находилось.

Затренькал сотовый, и Иннокентий Леонидович увидел, что звонит Торопов.

«Да что за чертовщина такая! — раздраженно подумал он. — Все одно к одному! И вообще, что он себе позволяет — звонить в рабочее время!»

Богатенко хотел даже отказаться от разговора, сослаться потом на совещание, да еще и выговор сделать Торопову, что беспокоит на рабочем месте, — чтоб не слишком зарывался, но все же решил ответить. Лучше покончить с этим поскорее. Пока Торопову следует сказать, что дело осложнилось и решить его не так-то просто... От денег от-

казаться, даже если предложит, — это будет грамотнее, Торопов так больше поверит. И... добавить, что нужно ждать, а там, глядишь, что-нибудь да подвернется. Вот так. И, успокоенный таким решением, Богатенко нажал кнопку.

— Иннокентий Леонидович, Торопов беспокоит! — сразу же услышал он уверенный тороповский баритон, от которого ему стало неприятно. — Вопросик наш надо бы решить. Все сроки вышли.

— Понимаешь, Витя... — стараясь говорить четко и деловито, произнес Богатенко. — Вопросик этот не такой простой, как тебе кажется.

— Иннокентий Леонидович! — перебил его Торопов. — Я чего-то не пойму. В прошлый раз все сложности, кажется, были решены. Даже более чем, я считаю. И что опять случилось? Вы меня за дурака держите? Еще хотите? Вы там не зарвались, часом?

Торопов явно не сдерживал себя, и его можно было понять, но Богатенко взбесила его наглость.

— Слушай, сопляк! — тихо, со скрытой злобой начал он. — Ты что себе позволяешь, а? Ты вообще отдаешь отчет, с кем разговариваешь?

— Я отдаю! — тут же ответил Торопов, но уже на тон ниже. — Но и вы, пожалуйста,

отдавайте отчет, сколько времени прошло и сколько денежек получено.

— Язык прикуси! — прикрикнул Богатенко, затем спокойно продолжил: — Слушай, Витя, ну подумай сам, нам с тобой ссориться резона никакого нет, верно? Мы друг от друга получаем только пользу.

— Пока что только вы, — насмешливо вставил Торопов.

— Так вот, Витя, — проглотил насмешку Богатенко, — вопрос, конечно, нужно решать. И вот, чтобы это обсудить, давай-ка мы с тобой сегодня встретимся в два часа дня в спокойной обстановке. В обеденный перерыв. А то ты на работу мне звонишь, от важных дел отвлекаешь... Я сейчас действительно очень занят. А вот в обед — пожалуйста.

— Я не понял — чего обсуждать-то? — спросил Торопов. — Опять меня завтраками кормить будете?

— Ты приезжай, Витя, — устало произнес Иннокентий Леонидович. — Там и поговорим.

— Ладно, где?

— В кафе «Бумеранг», на Люблинской. Знаешь его? Место тихое, кафе уютное. Подъедешь?

— Хорошо, — не скрывая досады, прошипел Торопов. — Только смотрите, Иннокентий Леонидович, если снова вздумаете

завести старую песню... У меня тоже терпение на пределе!

— Ты что, мне грозишь, Витя? — удивился Иннокентий Леонидович. — Ты хорошо подумал, сынок?

— Я приеду, Иннокентий Леонидович, — вместо ответа недобро проговорил Торопов. — В два часа, в кафе «Бумеранг». Можете не сомневаться. Приеду.

Телефонный звонок раздался ровно в половине восьмого. Кристиана сняла трубку и услышала вежливый голос горничной:

— Фройляйн Вайгель, вы просили разбудить вас в это время.

— Спасибо, — с легким акцентом поблагодарила Кристиана и положила трубку на место.

В гостиничном номере было прохладно, охлаждающая система работала всю ночь. Почувствовав, что зябнет, Кристиана натянула одеяло до подбородка. Полежав так несколько секунд, решительно покачала головой и откинула одеяло. Не нужно залеживаться, потом будет только тяжелее вставать, это она знала по собственному опыту.

Опустив ноги на пол, сунула их в домашние тапочки и сразу же застелила постель. Ее можно было не убирать, это входило в обязанности горничной, но Кристиана привы-

кла самостоятельно делать подобные вещи. Собственно, и подниматься в такую рань не было особой нужды: конференция назначена на одиннадцать часов, но подъем в половине восьмого — это тоже привычка, выработанная за годы занятий ее деятельностью.

Кристиана сделала несколько гимнастических упражнений и, отправившись в душ, включила холодную воду. Потрогала пальцем струю, поежилась, сделала погорячее... Вот никак она не заставит себя принимать холодный душ! Сколько времени уже собирается перейти на него — и никак. А ведь родилась и выросла в Германии, где особенно тепла не бывает, и должна привыкнуть к холоду. Интересно, а в России как люди чувствуют себя зимой? Ведь здесь морозы достигают тридцати градусов и выше! Наверное, русским и ледяная вода нипочем.

В Россию Кристиана попала впервые. До этого были благополучная Европа и некоторые страны Африки, где, конечно, похуже, не в пример беднее, да и жарко очень. Но Кристиане нравилось там работать. Люди другие, более открытые, более доверчивые. Слушают по-другому, реагируют по-другому — живее откликаются. Конечно, они не идеальны. Кристиана по своему опыту прекрасно знала, что в каждом человеке сидит огромное количество грязи и гнили, толь-

ко порой они спрятаны так глубоко, что ни окружающие, ни даже сам человек не могут этого разглядеть. А она как раз в этом и помогает.

У Кристианы поистине особый дар. Наверное, по этой причине, разглядев его, господин Бахлер и направил ее в Россию — далекую, незнакомую страну, о которой ей было известно лишь по учебникам да рассказам знакомых. Отправил одну, даже в сопровождающие никого не дал. Словно щенка, которого учат плавать и для этого бросают в воду — выплывет, удержится — значит, не пропадет. Бахлер был уверен, что Кристиана не пропадет. У нее самой такой уверенности не было.

Русские произвели на нее двойное впечатление. Вроде бы такие же — две руки, две ноги, так же ходят, едят, улыбаются. И все-таки другие. Совсем другие. Как с ними придется работать, она пока не представляла, возлагая свои надежды лишь на Него.

До этого, мысленно представляя Россию, Кристиана видела почему-то заснеженные горы и бескрайние леса. Почему, она сама не знала. И ведь не дремучий человек, видела эту страну и на карте, и на снимках, даже несколько фильмов смотрела, как велел господин Бахлер, — чтобы лучше вникла в национальные особенности. Словом, видела

практически вживую, а все равно — снежные вершины и таежные леса.

Конечно, на деле все оказалось не так. Никаких гор и лесов Кристиане увидеть не удалось, а вместо этого была Москва — огромная, шумная, пестрая и разномастная. К тому же приехать в Россию Кристиане довелось не зимой, как планировалось, а летом. Господин Бахлер неожиданно поменял свои планы, о чем сообщил Кристиане в середине весны, и даже русский язык ей пришлось учить в ускоренном темпе. Выучить досконально, конечно, не удалось: слишком мало времени было выделено на это. Кроме того, приходилось готовиться к своей основной миссии, что не легче языка.

Кристиана не любила, когда планы менялись. Это вносило хаос, беспорядок, сумбур, которые она не выносила. Все должно быть четко и последовательно. Но что случилось, то случилось, и оставалось только надеяться, что Он лучше знает, как на самом деле надо.

Так или иначе, а четырнадцатого июля она сошла с трапа самолета, вылетевшего из Берлина два часа назад и приземлившись в Шереметьеве в полдень. Шагнула на раскаленный асфальт, зажмурилась от ярко бьющего в глаза солнца и достала из сумки солнечные очки.

Господин Берестов, встречавший ее в аэропорту, оказался человеком среднего роста, средних лет, средней комплекции — весь он был такой средний, словно его специально выбирали, чтобы не бросался в глаза и его трудно было заметить. Если бы он сам не поспешил Кристиане навстречу, она бы, скорее всего, просто прошла мимо, не обратив никакого внимания на этого невзрачного господина. Но он подошел, поклонился, принял у нее тяжелую сумку (из вещей брала только самое необходимое, строго по списку, а все равно получилось нелегко) и повел к такси.

По дороге говорили мало. В гостинице Берестов сразу же проводил Кристиану до ее номера, коротко дал необходимые инструкции и сказал, что основное они обсудят завтра в два часа дня в кафе «Бумеранг», когда Кристиана освободится после конференции. Добавил, что сам довезет ее до места, так что ей не о чем волноваться. А пока пусть отдыхает и привыкает к новой жизни. Без нужды просил из номера не выходить, по Москве в одиночку не гулять.

Кристиана, собственно, и не собиралась. Ей было немного страшновато в незнакомом городе, в чужой стране. Так всегда бывало поначалу, когда она попадала в новое место. Но по опыту она знала, что уже через

несколько дней освоится и все пойдет своим чередом.

Приняв прохладный душ, она растерлась до красноты полотенцем и, надев брюки и свободную рубашку, вернулась к кровати. Завтракать было еще рано, она позвонила горничной и попросила принести ей в номер кофе.

Отпивая потихоньку из маленькой чашечки, Кристиана села за письменный стол и достала большую книгу в кожаном переплете. Открыв заложенную закладкой страницу, стала читать. Но знакомые, много раз прочитанные строки почему-то не укладывались в голове. Мысли хаотично проносились в голове, и Кристиана злилась на самую себя.

День, хоть его деловая часть и начиналась для нее сегодня в одиннадцать, предстоял насыщенный. Сначала конференция, потом встреча с господином Берестовым в кафе, затем поездка в реабилитационный центр, где предстояло провести несколько часов и внимательно присмотреться к живущим там людям, познакомиться и постараться с первой встречи завоевать их доверие. Вечером — встреча с господином Лебедевым, но это уже не так важно. Самое главное — разговор с господином Берестовым в кафе. Тот должен был постепенно вводить ее в курс